Подъ КУЛЬДЖЕЙ.

(Правдивый разсказъ).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ПОХОДНОЙ ЖИЗНИ

въ Средней Азіи.

Л. А. Б.

ЦѢНА 50 КОП. СЕР.

25% въ пользу Краснаго Креста.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1885.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30 Сентября 1884 г.

I.

»Большая Императорская дорога«,—отъ небольшаго китайскаго городка Суйдуна, что въ 50 верстахъ отъ г. Кульджи,—поворачиваетъ нѣсколько вправо и затѣмъ, въ сѣверо-западномъ направленіи, вьется, перепрыгивая горные ручьи и рѣченки, то подымаясь на холмы, то опускаясь въ небольшія, пологія долинки.

Сначала—густая и богатая растительность, по мѣрѣ удаленія отъ Суйдуна все болѣе и болѣе рѣдѣетъ и, уже въ пяти верстахъ, попадается одинъ вереск, терновникъ верблюжій, да изрѣдка мочежины, сочной зеленью покрытыя.

Стояло лѣто и солнце, достигшее почти своего зенита, палило нестерпимо,—только мѣстный людъ—байгуши *) дунгане да калмаки съ непокрытыми головами работали на солнцѣ.

Вонъ — вдали отъ дороги виднѣется строеньице китайской архитектуры,—около него, на воткнутыхъ въ землю жердяхъ, разбросалъ свои цѣпкія вѣтви виноградъ и густо вьется, образуя, непроницаемый для солнца, покровъ для бѣдныхъ труженниковъ; въ густой тѣни лежитъ на спинѣ старикъ калмакъ въ изодранной старой курткѣ и юбкѣ; жиденькая косичка волосъ его разбросалась по черной землѣ, а старческія слезливые глазки щурятся на клочекъ жаркаго голубаго неба, что между широкими, лапчатыми листами винограда открывается; возлѣ старика свернувшись калачикомъ сладко спитъ мальчишка совсѣмъ голый, точно изъ бронзы отлитый,

*) Байгушъ,—бѣднякъ, голь.

а у виноградника, откуда виднѣются, вдаль отъ дороги уходящія, сплошь макомъ покрытыя, поля, три молодыхъ работника дунгана, по поясъ открытые лучамъ горячаго солнца, дружно разрыхляютъ землю кетменями *), мурлыча подъ носъ безыскусственную пѣсню труда, пѣсню вѣчнаго рабства.

Жжетъ солнце и заливаетъ потоками золотыхъ лучей поля вспаханныя и невспаханныя,— и одинокіе, разбросанные виноградники калмаковъ, и придорожные каменья, и бѣднаго таранчу **), что понуривъ голову и потомъ обливаясь, бредетъ около арбы своей, которую съ трудомъ горбатый якъ изъ колеи въ колею перетаскиваетъ; а на горизонтѣ—грозно высится хребетъ Борохоро и, еще снѣжныя, его вершины млѣютъ въ горячемъ безоблачномъ небѣ.

---

*) Кетмень,—родъ лопаты.

**) Таранчи и дунгане, два племени населяющія Илійскую долину, вѣчные враги и рабы китайцевъ.

Вонъ — далеко, въ томъ направленіи, гдѣ послѣдній поворотъ пыльной дороги виднѣется и гдѣ серебристой лентой по временамъ искрится рѣченка, хребетъ, точно разбитый какой-то гигантской рукой, раскрывается и образуетъ узкую щель,— это Талкинское ущелье, черезъ которое на Сайрамъ-Норъ *) и далѣе по владѣніямъ Небесной Имперіи направляется »Большая Императорская дорога«. Громкое названіе! — То узкая до такой степени, что и двѣ арбы на ней не разъѣдутся, то одинокими колеями, широко разбросанная по степи, лѣпится она и обрывами крутыми и высокими берегами, или спускаясь внизъ, теряется въ мелкой, но широко разлившейся и бушующей по камнямъ Талкинкѣ.

Въ старину вьючная эта дорога имѣла громадное торговое и караванное значеніе, — она была единственно удобная для сообщенія съ Небесной Имперіей,

*) Озеро, соленой воды.

почему и получила такое громкое названіе; теперь ведетъ она насъ къ передовымъ нашимъ отрядамъ, по границѣ разбросаннымъ.

Уже нѣсколько верстъ отъѣхавъ отъ Суйдуна, въ ясный день, виднѣется лѣвѣе ущелья какое то бѣлое неправильной продолговатой формы пятно — это лагерь стрѣлковъ.

У лагеря этого, дорога вступаетъ въ ущелье и между тѣсными, то грозными, то прихотливо скалистыми, но всегда живописными стѣнами, вьется она по щели, подымаясь выше и выше къ перевалу, видъ откуда на озеро Сайрамъ-Норъ своею странной и дикой красотой положительно поражаетъ зрителя, а затѣмъ полого спускается къ озеру, гдѣ разбросанъ лагерь авангарда стрѣлковъ, нѣсколько линейныхъ ротъ и 1 сотня казаковъ.

Но, что здѣсь дѣлаютъ стрѣлки?

Вѣчно кочующая, Туркестанская стрѣл-

ковая бригада и сюда попала, какъ попадала въ 1873 году въ Хиву, въ 1875 — въ Коканъ, въ 1878 — на Афганскую границу; попала сюда весною 1880 года вслѣдствіе тяжелыхъ недоразумѣній съ китайцами, совершивъ многотрудный форсированный походъ въ 1250 верстъ, и теперь въ 81 году, какъ и въ прошломъ стоитъ на стражѣ, готовая драться съ непріятелемъ, готовая опять идти, куда судьба, да Царь-Батюшка повелятъ идти ей, а повелѣній этихъ ждутъ и жаждутъ какъ манны небесной!

II.

Еще съ января 1880 года весь Туркестанъ заговорилъ объ ожидаемомъ походѣ на Мервь, тутъ-же приплетались слухи, что изъ Семирѣчья войска стягиваются къ Кульджѣ, что недоразумѣнія наши съ китайцами усиливаются болѣе и болѣе.

Каждый годъ, какъ и теперь, съ зимы начинаютъ волновать офицеровъ тревожные слухи о походѣ, предполагаемомъ на весну; до сихъ поръ рѣдко эти слухи были невѣрны; почти каждую весну куда нибудь выступали отряды,—за послѣдніе годы такъ было въ 73, 75, 76 и 78 годахъ.

Всѣ офицеры собрались въ Туркестанѣ не для спокойной казарменной жизни, всѣ ѣхали сюда, что-бы увидѣть что-нибудь новое, вездѣ побывать, подышать новымъ воздухомъ, пожить той жизнью Туркестана, которую такъ ярко рисуютъ путешественники, о которой въ Россіи ходятъ такіе баснословные разсказы, —а все это, конечно, сводится къ походу—къ движенію.

Малѣйшая размолвка съ какимъ нибудь изъ сосѣднихъ ханствъ даетъ поводъ всѣмъ строить планы на счетъ похода, — но только всѣ жаждутъ похода дѣйствительнаго, съ дѣлами и лишенія-

ми, съ возможностью отличиться; пожить бурной и страстной жизнью боеваго похода. Такіе походы какъ Джамскій въ 1878 году — никому нежелательны: въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ войска стояли на границѣ въ голой раскаленной степи и, какъ поютъ солдатики:

»Мы подъ Джамомъ какъ стояли
»Все приказовъ дожидали!

Такъ и сбылось на самомъ дѣлѣ, приказовъ ждали, но не дождались; всѣмъ извѣстны результаты Берлинскаго Конгре́сса.

Солдаты и офицеры, протерпѣвъ нѣсколько мѣсяцевъ голоду, жару, разныхъ лишеній, натерпѣвшись отъ фалангъ, благодаря изобилію которыхъ въ Джамѣ даже походъ былъ названъ — „походомъ на Фалангъ“, — возвратились назадъ въ Ташкентъ ни съ чѣмъ, отмѣривъ нѣсколько сотъ верстъ, да оставивъ цѣлое кладбище умершихъ отъ диссентеріи стрѣлковъ.

Въ февралѣ были отданы секретныя приказанія по немногу приготовляться къ долгому походу. Бригада ожидала похода на Мервь и сообразно съ этимъ мы и приготовлялись, сообразно съ этимъ велись бесѣды и предположенія молодежью, спрашивались совѣты у стариковъ, ходившихъ въ Хиву. Предполагаемый походъ долженъ былъ-бы быть крайне тяжелымъ. Карта Средней Азіи не сходила со стола библіотеки. Брошюры Быкова о путяхъ отъ Чарджуя до Мервы выучивались чуть не наизустъ, когда вдругъ, въ срединѣ марта вышелъ приказъ, что Туркестанская стрѣлковая бригада, казачья Оренбургская № 5 батарея и конный полкъ должны выступить изъ Ташкента въ Кульджу для усиленія войскъ Семирѣченскаго отряда. На 3-е апрѣля назначено было выступленіе 1-го эшелона, въ составъ котораго входилъ 1-й Туркестанскій стрѣлковый баталіонъ и 1-я рота Туркестанскаго сапернаго полубаталіона.

Нашъ баталіонъ выступалъ 2-мъ эшелономъ 5-го апрѣля.

Со дня отданія приказа объ этомъ—весь Ташкентъ измѣнился—необычайная дѣятельность закипѣла вездѣ, начиная отъ казармъ и квартиръ офицеровъ до базаровъ и магазиновъ.

По городу мчались извощики съ офицерами, нагруженные покупками; по базару сновали солдатики, продавая ненужныя и покупая нужныя вещи. Особенно бойкая торговля шла у сартовъ, мастеровъ вьючныхъ ящиковъ. Каждый офицеръ запасался парою этихъ ящиковъ, такъ называемыхъ яхтановъ, необходимыхъ какъ сундуки и какъ кровать;—обыкновенная ихъ цѣна 12—13, теперь возвысилась до 18 и 20 рублей. Ротные командиры на перебой другъ у друга скупали по всѣмъ магазинамъ уксусную эссенцію, столь необходимую и важную въ походѣ для нижнихъ чиновъ, но въ городѣ такъ незначительно было коли-

чество этой эссенціи, что только двумъ ротнымъ командирамъ изъ 16, удалось пріобрѣсти потребное количество; это были мастера своего дѣла—настоящіе хозяева, ранѣе всѣхъ вспомнившіе эту необходимость и пронюхавшіе, гдѣ эту эссенцію достать можно. Офицерами на расхватъ покупались въ магазинахъ различные консервы, кислоты лимонныя, клюквенныя, сухари, чай, сахаръ; деньщики бѣгали какъ угорѣлые,—то покупая подковы, гвозди, потники, кошмы *), приколы, то вещи необходимыя для барина: мѣдные чайники, металлическія тарелки, стаканы, треножники и прочую походную дребедень; евреи и сарты шныряли по квартирамъ офицеровъ, скупая мебель и другія ненужныя вещи; все понятно продавалось за безцѣнокъ, даже просто бросалось.

По вечерамъ офицерство собиралось у кого нибудь на квартирѣ изъ своихъ-же,

*) Родъ войлока.

бесѣдовали о предстоящемъ походѣ, объ общей столовой, которая на довольно широкихъ началахъ устраивалась у насъ; бесѣды эти кончались, конечно выпивкой, такъ называемымъ *малымъ пьянствомъ*, которое должно было блѣднѣть, какъ говорили старики передъ тѣмъ, что ожидаетъ насъ въ походѣ.

Молодежь, покидавшая свои привязанности въ Ташкентѣ, вечера проводила въ тѣхъ домахъ, гдѣ ихъ сердце билось чаще, гдѣ были хорошенькіе глазки, грустно смотрѣвшіе на воина.

Тутъ шли разговоры о поэтической сторонѣ похода,— молодой воинъ, крутя пробивавшійся усъ и опираясь на кавказскую шашку съ только что отточеннымъ клинкомъ, мрачно говорилъ о тяжелыхъ лишеніяхъ похода въ нравственномъ отношеніи.

—»Все тѣ-же лица изо дня въ день«, говорилъ онъ: »не съ кѣмъ теплымъ словомъ перекинуться—душу свою открыть,

отсутствіе книгъ, общества, сдѣлаетъ изъ меня дикаря. Вы меня не узнаете — обросту бородой, носъ будетъ малиновый, голосъ какъ изъ трубы,—ужасныя манеры!« Барышни охали. Молодежь писала въ альбомы, размѣнивалась портретами, обѣщаніями писать, причемъ милыя головки получали маршруты, когда въ какомъ городѣ будетъ баталіонъ, куда писать надо.

Многіе писали въ Россію роднымъ, прощались, тоже сообщали куда писать.

Время уходило, на носу было ужъ выступленіе.

Тяжелѣе всѣхъ эти дни были для ротныхъ командировъ: озаботиться о сухаряхъ, о продуктахъ, которые необходимо взять — вплоть до 18 мая, иначе: до г. Вѣрнаго, потому, что раньше нигдѣ ничего нельзя достать; озаботиться о бѣльѣ, о сапогахъ, о шинеляхъ и т. д. для 200 стрѣлковъ роты, объ обозѣ ротномъ, о котлахъ—далеко не легко.

Квартирмистръ тоже какъ угорѣлый метался по обозному двору; командующій баталіономъ горячился; всѣ спѣшили, торопились, ругались и, наконецъ, наканунѣ выступленія умолки: все было готово, все въ исправности на весь 1250 —верстный походъ.

Утромъ 5-го апрѣля благословясь и помолившись выступили подъ проливнымъ дождемъ стрѣлки, бросая всѣ привязанности, имѣя впереди себя 1250 верстъ тяжелаго похода. Долго разсказывать какъ шли стрѣлки, чему радовались, чему горевали!—Черезъ $2^1/_2$ мѣсяца этотъ походъ окончился, баталіонъ пришелъ въ Кульджу—ихъ размѣстили по ущельямъ, гдѣ и началась другая жизнь—лагерная въ ожиданіи боевой, которой и въ 82 году мы не дождались. Лѣто, проводимое въ ущельи на солнцепекѣ, безъ признака растительности, зима—въ захолустныхъ городахъ Семирѣчья, вѣчные переходы, голодовки и лишенія до-

водили офицеровъ до отчаянья, до одурѣнія. Вліяніе степной, полудикой жизни на интеллигентнаго человѣка сказывалось и отзывалось.

III.

Въ самую жаркую пору изъ Суйдуна, по дорогѣ въ ущелье, выѣхала телѣга, запряженная двумя сивыми, откормленными лошадьми; телѣгой правилъ, въ бѣлой растегнутой рубахѣ, замухрышка-солдатъ съ синими плечевыми погонами, и распаренный солнцемъ лѣниво подгонялъ сивую пару. По телѣгѣ и сбруѣ на лошадяхъ можно было безошибочно сказать, что это ротная принадлежность, а по погонамъ солдата, что все это принадлежитъ одной изъ ротъ линейнаго Туркестанскаго баталіона, который это лѣто по ротно по всей Кульджѣ разбросанъ.

Въ телѣгѣ, видимо сильно выпившіе, сидѣли и дремали двѣ фигуры въ бѣлыхъ

рубахахъ, чембарахъ *) и высокихъ сапогахъ; на плечахъ одной изъ нихъ болтались старыя, изогнутыя и облупившіеся линейные погоны, а на другой докторскіе безъ звѣздочекъ съ одной полоской.

Фигура доктора съ его самой зауряднойй молодой, безусой физіономіей не останавливала на себѣ глазъ наблюдателя, —облокотившись на спинку телѣги пытливо смотрѣлъ онъ впередъ прищуренными, подернутыми пьяной влагой глазами и по временамъ стиралъ стекающій со лба потъ; изрѣдка поглядѣвъ на грустное лицо товарища своего, валявшагося теперь на днѣ телѣги, даже не засланномъ сѣномъ, докторъ пьянымъ, сердечнымъ голосомъ утѣшалъ въ чемъ-то его: »Плюнь братъ на это дѣло,—плюнь, ей Богу, плюнь!« Офицеръ былъ какъ-будто чѣмъ-то огорченъ—золъ на что-то. Боль-

*) Чембары,—замшевыя панталоны, носимыя войсками Туркестана.

шіе выразительные глаза, окруженные темными кругами, лѣниво поглядывали вверхъ на яркое, голубое небо. Овальное лицо поражало своей правильностью и красотой,—усы длинные, каштановые, слегка вьющіеся, спускались къ рѣзко очерченному энергичному подбородку и закрывали красивый, теперь искривленный злобою, ротъ.

Странною въ немъ казалось небрежность его и къ одеждѣ и къ физіономіи своей; давно не бритыя щеки оттѣняли исхудалое лицо; рубаха и чембары видимо давно не снимались и только по старымъ погонамъ можно было узнать, что это офицеръ. Въ головахъ у путниковъ валялись набитые туго куржумы *), — изъ одного торчали нѣсколько горлышекъ бутылокъ, изъ другого различныя походныя офицерскія вещи и завернутая

---

*) Куржумы, — ковровые мѣшки, очень удобные при дальнихъ передвиженіяхъ верхомъ.

въ промасленную бумагу жаренная баранина.

Изъ подъ сидѣнья кучера виднѣлись сѣдло, завернутыя въ кошму постельныя принадлежности, да двѣ шашки, изъ которыхъ одна красиво оправлена была въ серебро.

—»Эдакая скотина!« нарушилъ наконецъ молчаніе офицеръ и, повернувшись къ доктору, облокотился лицомъ на руку: —»бей его, ругай, трави — никакого самолюбія — мальчишка!« »А знаешь что«,— прошепталъ онъ и его красивые глаза сверкнули недобрымъ огонькомъ:— »я его пройму — я оживлю его,— я его выпорю; ей-Богу,—соберу взводъ и прикажу выпороть! впрочемъ нѣтъ..... я лучше сегодня ночью,- -сегодня..... Эхъ! ну да все равно!« почти ужъ про себя окончилъ онъ и погрузился въ дремоту.

—»Нѣтъ ты лучше, знаешь, плюнь на это все—право брось!« болтая пьяной го-

ловой—шепталъ коснѣющимъ языкомъ докторъ.

—»Ну, нѣтъ! не брошу!—да, впрочемъ, что я тебѣ говорю, ты такой-же пьяный дуракъ, скотина деревянная; я вѣдь, если сей-часъ тебѣ въ рожу твою плюну, ты тоже вѣдь не обидишься—утрешься!« презрительно окончилъ офицеръ и поднявшись, полѣзъ за портсигаромъ; но докторъ не слышалъ своей характеристики и окончательно спалъ, свѣсивъ на грудь буйную головушку, качавшуюся при каждомъ толчкѣ неровной дороги.

Сивая пара лѣниво бѣжала, лѣниво помахивалъ кнутомъ солдатъ-замухрышка, лѣниво курилъ офицеръ линеецъ, изрѣдка презрительно поглядывая на пьяную спящую фигуру доктора и каждый разъ нарочно стряхивалъ пепелъ за воротъ—на голую грудь доктора.

А солнце уже меньше жгло, ближе спускаясь къ хребту горъ; въ верстахъ пяти виднѣлись купы деревьевъ и длинныя

глиняныя стѣны китайскаго городка Лаучугуна.

Офицеръ кончилъ курить и небрежно уронивъ туда же за воротъ доктора окурокъ, закрылъ глаза; но не спалъ онъ, и жарко было ему, да и думы тяжелыя мучили ему голову,—изрѣдка вздрагивали мускулы его блѣднаго лица.

IV.

Базарная жизнь Лаучугуна уже затихала, когда пара сивыхъ лошадей медленно втащила нашихъ путниковъ въ громадные глинобитные ворота городка. Надъ воротами, на верху широчайшей стѣны красовалась своеобразной китайской архитектуры башенка, вся почти сквозная, съ окнами, задѣланными деревянными переплетами затѣйливаго прямолинейнаго узора; когда-то яркія краски потускнѣли и догорающій лучъ скользилъ по побурѣвшему зеленому крылу изогнутой крыши ветхой башни. Изъ-за

глиняныхъ стѣнъ домовъ выглядывали вѣтви засыхающихъ уже урюковъ и джиды *) и до глубокой осени зеленые, могучіе сучья карагачей. На порогахъ лавокъ сидѣли китайцы. Безстрастныя, испитыя, желтыя лица ихъ видимо не обращали ни малѣйшаго вниманія на пріѣзжихъ. Дунгане же и таранчи, торговцы фруктами и зеленью, всѣ обратились во вниманіе. Дремлющій подъ карагачемъ старикъ таранча съ необъятнымъ зобомъ **)—открылъ глаза и, приподнявшись на локтѣ, провожалъ телѣгу безсмысленнымъ взоромъ.—Посреди базара конная группа калмаковъ неистово орала, размахивая камчами ***) и видимо ругалась съ пѣшимъ толстымъ китайцемъ, удивительно хладнокровно

---

*) Урюкъ,—абрикосъ; джида,—дерево съ благовонными цвѣтами.

**) Городъ Лаучугунъ извѣстенъ зобами на людяхъ; зобы здѣсь, какъ и въ г. Коканѣ, достигаютъ ужасныхъ размѣровъ.

***) Камча,—нагайка

смотрѣвшимъ на нихъ черезъ хрустальные толстые очки.

Когда телѣга выѣхала изъ воротъ на площадь города, сладко спавшій докторъ проснулся, — надъ самымъ его ухомъ пронзительно закричалъ дунганъ—продавецъ винограда; докторъ недоумѣвающе посмотрѣлъ вокругъ и, окончательно проснувшись, сталь будить задремавшаго офицера:—»Ну Викторъ Павловичъ, пріѣхали, слава Богу! Лауцугунъ! что—закусимъ, пожалуй? у меня, знаешь, братъ, девятый валъ въ брюхѣ«..... И докторъ закончилъ фразу крѣпкимъ словомъ.

—»Ладно,—ругатель! я не сплю,—крѣпкую думу думалъ я, братъ—и придумалъ, останешься доволенъ!«

—»Какую еще думу тамъ—я тебѣ давно совѣтыталъ не думать,—а ты все свое; ну тебѣ-ли, пьяницѣ Туркестанскому, линейцу несчастному, думать,—не за свое дѣло браться, скверно братъ,—выпь-

емъ лучше—оба правы будемъ!«—резонерствовалъ докторъ.

—»Ну, нѣтъ! на счетъ выпивки атàнде! ѣсть-то я тебѣ дамъ немного теперь, вотъ арбузъ купимъ, а ужъ выпьемъ потомъ, на ночь закусимъ;—вотъ какъ до гвардейцевъ Ташкентскихъ доѣдемъ, тамъ за ними остановимся—лошадей покормимъ—отдохнемъ, а часовъ такъ въ 12 ночи и дальше двинемъ, ладно?!«

—»Да мнѣ все равно, лишь бы не думать,—сволочь эта матерія! рюмочку ты мнѣ все-таки хоть одну дай!«

—»Стой Банныхъ!«—остановилъ телѣгу офицеръ: »мы братъ тутъ пообѣдаемъ, купи-ка намъ арбузъ—да поздоровѣе. Ну Брюховъ, вылѣзай!«

Вылѣзли наши компаньоны, и около китайской лавочки опіума улеглись на постланной солдатомъ кошмѣ и, вынувъ куржумы, вытащили оттуда громадный кусокъ жаренной баранины и складные ножъ и вилку. Банныхъ подалъ арбузъ,

дѣйствительно солидныхъ размѣровъ, и Брюховъ занялся ѣдою, предварительно выпросивъ у офицера разрѣшеніе выпить сперва одну, а потомъ другую и третью рюмку водки. Офицеръ не ѣлъ,—онъ сумрачно поглядывалъ на толпу дунганъ, таранчей и китайцевъ, которые, столпившись вокругъ нихъ, глазѣли на рѣдкое для нихъ зрѣлище. Нервное подергиваніе лица Колосова (такъ назывался офицеръ) выдавало какое-то душевное волненіе; наконецъ, онъ не выдержалъ:—»Я васъ, собаки!« гаркнулъ онъ и, вскочивъ, схватился за нагайку; толпа, какъ стадо барановъ, хлынула съ веселыми криками прочь,—имъ показалось, что тюра *)—шутитъ; но изъ ближайшихъ, какой-то старый общипанный въ синей юбкѣ китаецъ, спокойно, до той поры, съ трубкой въ зубахъ наблюдавшій урусовъ **), бросившись въ сторону, запнулся за ка-

*) Тюра,—господинъ, баринъ.

**) Урусъ,—русскій.

мень и упалъ у ногъ Колосова. Что-то дикое мелькнуло въ темныхъ глазахъ послѣдняго, нагайка взвилась и съ трескомъ опустилась на голову старика,— черная тафтяная шапочка свалилась съ головы, разметалась коса по пыли и на грязномъ не бритомъ и посѣдѣвшемъ затылкѣ выступила багровая полоса крови.

Кровью налились глаза Колосова и частые удары нагайки посыпались на несчастную голову старика.

—»Что ты дѣлаешь?«—успѣлъ только крикнуть докторъ: »съумасшедшій,—да вѣдь они всѣмъ кагаломъ бросятся на насъ—убьютъ!«

И правда—китайцы, отбѣжавъ въ сторону, угрожающе посматривали; какой-то толстый, въ массивныхъ хрустальныхъ очкахъ на лбу, китаецъ, что-то завопилъ пронзительно; со всѣхъ концовъ базара сбѣгалась толпа, разносщики перестали кричать, погонщикъ та-

ранча остановилъ своихъ яковъ,—всеобщее негодующее вниманіе было обращено на группу у лавочки опіума.

Брюховъ быстро побросалъ въ телѣгу вещи, разложенныя по землѣ, втолкнулъ Колосова, самъ бросился туда и солдатъ-кучеръ, глупо ухмыляясь, погналъ уставшихъ сивыхъ.

Старикъ, охая, неподвижно лежалъ въ густой пыли, кровь обливала бритую голову; какой-то голый, косолапый мальчишка, сѣвъ на корточки, щупалъ его голову и вылъ; злая толпа съ криками негодованія и брани провожала, быстро свернувшихъ въ улицу, русскихъ.

— »Скоты«, шепталъ Колосовъ, какъ-то сразу упавшій духомъ, будто подавленный чѣмъ-то: »хоть бы одинъ заступился за старика безпомощнаго, несчастнаго; собаки! еще была надежда на этого толстаго,—да кричать только съумѣлъ.....«

Брюховъ поглядывалъ на блѣдное лицо Колосова и пожималъ плечами,— видно зналъ онъ странности этого человѣка и не въ первый разъ видѣлъ ихъ.

Оба молчали; телѣга медленно тащилась по пыльной дорогѣ; солнце садилось за горы и гребень на западѣ рѣзко очерчивался на ярко позлащенныхъ облачкахъ заката. Впереди верстахъ въ 10 виднѣлся лагерь и ворота ущелья, чернѣвшія на общемъ свѣтло-сѣромъ фонѣ картины горъ.

V.

При самомъ входѣ въ ущелье, лѣвѣе дороги по склону горы расположился лагерь одного изъ стрѣлковыхъ баталіоновъ. Правильно вытянутыя въ нитку солдатскія большія палатки, снизу заплетенныя вѣтками, красиво выдѣлялись бѣлыми верхами на каменистомъ фонѣ горы. Офицеры располагались по большей части въ небольшихъ баракахъ, ими самими

изъ бревенъ и кошмы построенныхъ. Посреди бараковъ и палатокъ возвышался большой шатеръ на 12 столбахъ, украшенный кумачевыми подборами,—это была баталіонная столовая. Нѣсколько построекъ виднѣлись и по ту сторону вѣчно шумѣвшей Талкинки—тамъ были: баня, срубленная самими стрѣлками, бойня и другія хозяйственныя постройки.

Солнце уже сѣло совсѣмъ и вечерній сумракъ окутывалъ дальніе планы горнаго вида; вдали въ долинѣ зажигались костры, тоже самое видно было по горѣ и рѣкѣ и у лагеря,—солдаты варили чай, недавно вернувшись со стрѣльбы.

Офицеры большею частью въ пальто одинъ за другимъ выходили изъ бараковъ и палатокъ и, группируясь у шатра столовой, перебрасывались замѣчаніями по поводу бывшей стрѣльбы, ожидаемаго скоро смотра. Нѣсколько человѣкъ подъ предводительствомъ небольшаго роста черномазаго капитана, къ которому всѣ

обращались, называя не иначе, какъ »мущина«—затѣяли играть въ чурки.

Незатѣйливая игра! заброшенное за тридевять земель отъ всего оживляющаго, мыслящаго, офицерство и этой игрой довольно было, вспоминая стоянку въ Джамѣ въ 1878 году, гдѣ и чурокъ не изъ чего сдѣлать было.

Къ играющимъ подошла новая группа весело подтрунивая надъ »мущиной«, громадныя палки котораго были чуть-ли не больше его самаго.

»Ты, мущина, можетъ и »Владиміра« своего подъ Геокъ-Тепе чурками заработалъ—а?!« говорилъ ему ломанымъ языкомъ красивый мущина нерусскаго типа—это былъ пруссакъ, служившій въ баталіонѣ давно-ужъ, общій любимецъ, человѣкъ очень образованный, Богъвѣсть зачѣмъ судьбой заброшенный въ Туркестанъ.

—»Молчи нѣмецъ!«—отвѣтилъ ему мущина: »тебѣ съ Мишкой завидно, что

васъ не позвали—ступай лучше приготовь-ка намъ »рибки«,—мы прійдемъ водку къ тебѣ пить«.

Мишкой назывался товарищъ нѣмца, толстый штабсъ-капитанъ съ русской добродушной физіономіей,—его неотвязчиво дарзнилъ какой-то прапорщикъ въ очкахъ и неистово хохоталъ отъ неловкихъ поворотовъ Мишки.

Около нѣмца стоялъ другой офицеръ молодой человѣкъ, но очень худой и болѣзненный на видъ, одинъ изъ всѣхъ въ сюртукѣ и пальто.

—»Гуго Густавовичъ!«—говорилъ онъ красавцу-пруссаку: »а я изъ Ташкента книги новыя привезъ,—хотите?«

—»Пожалуйста, голубчикъ!—вотъ спасибо, а я то тутъ совсѣмъ соскучилъ, пойдемте—дайте что нибудь!«—обрадовался нѣмецъ.

—»Я къ вамъ принесу, кстати и про Ташкентъ, про вашихъ знакомыхъ кое-что разскажу!«—отвѣтилъ ему блѣдный

офицеръ, недавно изъ командировки вернувшійся въ баталіонъ.

—»Господа!«—обратился онъ ко всѣмъ: »а какую я закуску привезъ изъ Вѣрнаго, пальчики оближите!«

—»Давайте, давайте—тащите ее къ нѣмцу, мы туда пойдемъ!«—отвѣтили ему.

—»Пора, господа«,—добавилъ нѣмецъ: »ужъ сыро, самое время выпить!«

—»Сей-часъ, дай партію кончить, я, братъ, къ тебѣ на казначеѣ верхомъ пріѣду,—выигралъ!«—крикнулъ ему »мущина«.

Въ это время по камнямъ дороги загромыхала подъѣзжающая телѣга, всѣ повернулись къ дорогѣ,—пріѣздъ кого нибудь въ лагерь или мимо на Сайрамъ-Норъ было событіемъ, о которомъ долго говорилось и вспоминалось.

—»Господа!«—оповѣстилъ всѣхъ прапорщикъ: »да вѣдь это мочеморда Брюховъ—право, да еще съ кѣмъ-то!«

—»Оставьте«,—предостерегли его: »ну его къ Богу, пускай ѣдетъ своей дорогой, —мимо, а то еще заѣдетъ—набуянитъ!«

Всѣ стрѣлки слишкомъ хорошо знали страсть Брюхова къ водкѣ и его дикія выходки въ пьяномъ видѣ.

Но телѣга остановилась и Брюховъ, не вылѣзая, здоровался съ офицерами. Проснувшійся отъ остановки Колосовъ поднялся въ телѣгѣ; »съ кѣмъ это ты любезничаешь?«—спросилъ онъ Брюхова.

—»Это стрѣлки—N-ій батальонъ!«—отвѣтилъ Брюховъ.

—»А! бѣлоручки,—гвардейцы Ташкентскіе, пьяницы изъ подтишка; да никакъ они въ бабки играютъ! ха! ха! ха! —дико захохоталъ Колосовъ.

Молодой прапорщикъ бросился было къ телѣгѣ, но его нѣмецъ удержалъ за локти: »оставьте, оставьте его; это какой нибудь пьяный дуракъ, не затѣвайте скандала, какъ это ваша пословица —»собака лаетъ.....«

Офицеры, удивленные наглостью Колосова, котораго въ темнотѣ почти и видно не было, шли къ бараку нѣмца. Въ телѣгѣ слышался споръ между путешественниками, она поѣхала дальше.

— »Кто этотъ съумасшедшій, господа?« — спрашивали стрѣлки другъ друга: »офицеръ кажется?«, но никто не зналъ его, одинъ только атлетъ, подпоручикъ лѣтъ 40, замѣтилъ, что ему по голосу кажется, что это командиръ той линейной роты, что стоитъ у Суйдуна; онъ видѣлъ его на станціи въ Суйдунѣ и слышалъ, что онъ пьетъ и во хмѣлю буянитъ и задираетъ всѣхъ.

Поговорили еще о немъ, при чемъ прапорщикъ увѣрялъ, что этого нахала проучить слѣдуетъ, и затѣмъ всѣ направились къ бараку нѣмца.

VI.

Чудная южная ночь окутала лагерь и горы; часовъ въ 12 взошедшая, ущерб-

ленная на половину, луна мягкимъ фантастическимъ свѣтомъ озаряла молчаливыя громады горъ и спящій лагерь— только въ двухъ баракахъ виднѣлся свѣтъ, —въ одной адъютантъ приказъ писалъ, въ другой у нѣмца человѣкъ 10 офицеровъ, подвыпивъ, пѣли хоромъ. Надъ спящимъ лагеремъ проносились стройные аккорды,—хоръ пѣлъ »Гой ты, Днѣпръ« и надо признаться пѣлъ хорошо.

Громкое эхо далеко разносило могучіе и грустные аккорды, будя сосѣднія горы,—высоко заливался чистый теноръ, ровно и спокойно гудѣли басы.

При свѣтѣ четырехъ свѣчей въ походныхъ со стеклянными колпаками подсвѣчникахъ, среди дыма отъ папиросъ сидѣли гости нѣмца; самъ хозяинъ въ тужуркѣ и шапкѣ полулежалъ на коврѣ на полу, остальные, кто на кровати, кто на походныхъ сундукахъ-яхтанахъ, кто на стульяхъ складныхъ расположились, снявъ пальто, нѣкоторые даже кителя;

четыре пѣвца стояли,—теноръ—заносчивый прапорщикъ старательно пѣлъ, видимо увѣренный въ своемъ умѣньи и голосѣ, »мущина« вторилъ ему, а блѣдный офицеръ и капитанъ съ длиннѣйшими усами сдержанно басили.—Что-то теплое, хорошее было въ этомъ напряженномъ вниманіи, съ которымъ остальные слушали поющихъ. У нѣмца на глазахъ виднѣлись слезы, »Мишка« подпершись рукою смотрѣлъ внизъ,—заду-шевное пѣніе растрогало всѣхъ,—это было единственное эстетическое удовольствіе, доступное для бѣдныхъ степняковъ; каждому вспоминалось невольно дорогая Россія, кругъ родныхъ, болѣе свѣтлыя минуты жизни.

Въ дверь вошелъ небольшаго роста худенькій нескладный маіоръ, безъ всякой растительности на лицѣ съ вѣчной плотоядной усмѣшечкой.

—»Эге—да какъ вы тутъ всѣ разчувствовались, а я вышелъ, да у васъ поч-

теннѣйшій Гуго Густавовичъ свѣтъ увидѣлъ, думалъ — у васъ тутъ пулечка по маленькой, а вы эстетикой занимаетесь и водочка по положенію на столѣ, хе! хе! хе!« Маіоръ былъ ярый картежникъ, не знавшій проигрыша.

Хоръ пересталъ пѣть — офицерство очень нелюбезно посмотрѣло на непрошеннаго гостя.

Впрочемъ, онъ недолго сидѣлъ, по его просьбѣ съ нимъ выпили и онъ ушелъ спать предварительно сообщивъ, что дѣйствительно ночь хороша.

Пѣніе, которому помѣшали, не возобновлялось — прапорщикъ ушелъ тоже спать и, по просьбѣ нѣмца, блѣдный офицеръ небольшимъ баритономъ, но съ большимъ чувствомъ спѣлъ »Два гренадера« и еще какой-то романсъ.

По приглашенію хозяина, всѣ еще выпили и завязался общій разговоръ. Пріѣхавшій недавно изъ Ташкента блѣдный офицеръ разсказывалъ новости, стрѣлки

съ любовью вспоминали свою постоянную стоянку, откуда уже скоро 2 года какъ ушли они.

Онъ разсказывалъ объ убійствѣ всѣмъ знакомой Ташкентской барыни, которое никакимъ образомъ не могла раскрыть и найдти убійцу Ташкентская полиція.

—»Здравствуйте господа!« —раздалось вдругъ изъ двери,—всѣ быстро обернулись, нервный разскащикъ вздрогнулъ— въ двери смотрѣла блѣдная физіономія Брюхова, съ широко открытыми глазами.

—»Что съ вами? откуда вы? входите!« —посыпались ему вопросы, и долговязая фигура Брюхова влѣзла въ дверь.

—»Ну, господа—не дай вамъ Богъ, никому, какъ я перепугался, вотъ исторія! Ну ужъ я этого отъ него никакъ не ожидалъ!« —разводя руками, говорилъ осиплымъ голосомъ Брюховъ.

—»Да что такое? говорите толкомъ!« —спросили его.

—»Видите—ѣхалъ я съ Колосовымъ, знаете, что ротой командуетъ въ Суйдунѣ,—на Сайрамъ-Норъ, къ Дѣду«—началъ Брюховъ: »а Колосовъ хуже съумасшедшаго—въ Лауцугунѣ, чуть насъ изъ-за него китайцы не убили, васъ тутъ изругалъ,—слышали небось, потомъ поѣли мы у перваго подъема, лошадей выкормили и онъ тутъ деньщика своего совсѣмъ пьянымъ напоилъ, и самъ править сѣлъ. Поѣхали, я и заснулъ. Только вдругъ, просыпаясь отъ шума, смотрю, а онъ—знаете на четвертой верстѣ обрывъ—гонитъ лошадей въ пропасть, телѣга на боку, лошади не идутъ, я едва успѣлъ выскочить, лошадей за поводъ отвести! Шутка ли, вѣдь знаете тамъ сажень 7 обрывъ, на камни прямо свалились бы, никто живымъ не былъ-бы! Фу! у меня и теперь потъ холодный на лбу! Бросилъ его, бѣгомъ бѣжалъ, примите господа, кто нибудь переночевать!« — докторъ задыхался, ви-

димо дѣйствительно сильно перепуганный.

—»Да что онъ дуракъ—съумасшедшій, что-ли?«—спрашивали его.

—»Какой-чортъ съумасшедшій—онъ просто хочетъ умереть, а стрѣляться не желаетъ, вотъ и чудитъ!«—отвѣтилъ докторъ.

»Что-то ужъ очень странно«,—думалось каждому. Блѣдный офицеръ, еще не знакомый Брюхову, предложилъ ему переночевать у себя. Офицерство стало расходиться.

Прійдя въ палатку и устроивъ постель гостю, офицеръ сталъ распрашивать подробности о странностяхъ Колосова,—до разсвѣта проговорили они—и вотъ что узналъ онъ.

VII.

Викторъ Колосовъ былъ однимъ изъ четырехъ сыновей прокутившагося героя 40-хъ годовъ,—сначала предводите-

ля дворянства въ одномъ изъ уѣздовъ нашихъ степныхъ губерній, а потомъ коротавшаго печальные дни старости въ томъ же уѣздѣ на »хлѣбахъ изъ милости« старыхъ друзей и вліятельныхъ петербурскихъ родныхъ. Мать Колосова, женщина прежняго институтскаго воспитанія, далеко не глупая, но слишкомъ убитая горемъ и нищетой много плакала, отправляя своего любимца Витю, въ Петербургъ къ богатымъ роднымъ, съ ея стороны на воспитаніе. Жизнь Вити въ родной семьѣ, перебивавшейся со дня на день, была крайне тяжела, — отецъ окончательно пилъ горькую и только кричалъ, что въ Россіи настоящихъ людей не цѣнятъ, что онъ съумѣлъ-бы показать себя если бы были деньги, но что теперь деньги только въ рукахъ купцовъ, да выскочекъ, — при этомъ онъ всегда показывалъ рукою въ направленіи, гдѣ черезъ улицу обиталъ Толстомясовъ, купившій проданную съ аукціона его

»Березовку«, родовое, когда-то богатое и хорошо устроенное имѣніе.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ Витя Колосовъ, 12-ти-лѣтній красивый и развитой не по лѣтамъ мальчикъ, съ какимъ то благодѣтелемъ, былъ отправленъ въ Петербургъ къ вельможному двоюродному дядѣ.

Генералъ занималъ видный постъ въ тогдашней администраціи и жилъ на широкую ногу, если и не аристократомъ, то по крайней мѣрѣ съ большими претензіями.

Витя, изъ бѣдной, почти нищенской обстановки своей опустившейся семьи, попалъ сразу въ общество чопорныхъ дяди и тетушекъ, въ обстановку роскошную, чуть-ли не сказочную для него. Бѣдному ребенку открывалась новая тяжелая жизнь, въ физическомъ довольствѣ и роскоши и въ постоянной нравственной борьбѣ.

Генералъ пристроилъ его въ одну изъ

реальныхъ гимназій Петербурга; въ дни экзаменовъ, всѣ въ домѣ были видимо ласковы съ нимъ, благословляли его, ѣдущаго съ генераломъ на экзаменъ, и цѣловали послѣ экзаменовъ, узнавъ, что онъ ихъ прекрасно выдерживалъ.

Когда благополучно прошелъ послѣдній экзаменъ и Витя былъ принятъ, генералъ — въ одно сытное послѣобѣда — взялъ Витю за руку и привелъ его къ себѣ въ кабинетъ, громадную мрачную комнату, обитую темнозеленымъ штофомъ, уставленную громадными стеклянными шкафами съ книгами и четырехъаршиннымъ письменнымъ столомъ, на которомъ въ строгомъ порядкѣ громоздились папки, бумаги, карты и солидныя письменныя принадлежности. Чѣмъ то нехорошимъ повѣяло на Витю отъ этихъ темныхъ, увѣшанныхъ ландкартами стѣнъ. Онъ изъ подлобья глядѣлъ на дядю, — Витю почему-то пугало пыхтѣнье генерала, усаживавшагося въ за-

тѣйливое, съ разнообразными примѣненіями кресло.

—»Ну, Витя!« — началъ генералъ и дружески положилъ мясистую руку на плечо мальчика: —»для тебя начинается новая эра твоей жизни, — все, что ты до сихъ поръ видѣлъ въ твоемъ несчастномъ, да — именно несчастномъ домѣ — все это, — говорю я, забудь! Въ семьѣ своей ты не могъ ничего видѣть хорошаго, слава Богу еще, что Онъ наградилъ тебя способностями и что ты можешь трудиться; — благодаря мнѣ — ты теперь поступилъ въ гимназію, помни, что ты долженъ стараться и успѣхами своими радовать семью и меня, потому, что иначе-же не въ состояніи ты будешь отблагодарить меня. — Кромѣ ученья, ты и веди себя хорошо, всѣ будутъ знать, что ты племянникъ мнѣ и не дай тебѣ Богъ чѣмъ нибудь мое имя замарать; ты ребенокъ еще, но ты долженъ понять, что имя мое и твоего отца не все равно!«

—»Мой отецъ — честный человѣкъ!« — перебилъ Витя генерала — и весь заалѣлъ, двѣ слезинки навернулись на глазахъ, взволнованный голосъ дрожалъ.

—»Мальчикъ ты, — вотъ вижу, что ты наслушался изреченій твоего отца; разъ на-всегда помни, что не тотъ честный человѣкъ, кто не укралъ ничего, а тотъ, кто съумѣлъ трудиться, работать, вывести себя и семью на хорошую дорогу, твердо стать на законной почвѣ и успокоившись жить нравственно и дѣлать другимъ добро!« — Проговоривъ свою сентенцію, генералъ съ довольнымъ видомъ повелъ вокругъ себя волообразными глазами и съ удивленіемъ остановилъ ихъ на Витѣ,—онъ улыбался, улыбался какою-то совсѣмъ не дѣтскою улыбкой, глаза искрились и двѣ слезы, текшія по лицу, еще болѣе дѣлали злымъ его лицо.

—»Это самое говорилъ часто отцу кунецъ Толстомясовъ!« — тихо, точно про

себя, сказалъ онъ наконецъ, — но генералъ услышалъ, и хотя хорошо не понялъ въ чемъ дѣло, однако глаза его быстро заходили, кровь прилила ему въ голову, онъ приподнялся въ креслѣ.— »Глупый!« — зло заговорилъ онъ: — »ступай вонъ — и, еще разъ, повторяю — помни, что я тебѣ говорилъ!«

Витя выбѣжалъ изъ кабинета,—грустная улыбка скользнула по его губамъ, когда онъ зарылся на постели въ своей каморкѣ (ему отвели въ концѣ дома въ комнатѣ камеристки генеральши, за перегородкай, уголъ). »А вѣдь похоже«,— думалось ему: »очень похоже на Толстомясова, только папа мой всегда умнѣе говорилъ, чѣмъ *этотъ!*«

Дума за думой одна тяжелѣе другой смѣнялись въ его дѣтской головкѣ,— пьяный, но сердечный отецъ съ его восторженными рѣчами вытѣснили послѣднія впечатлѣнія, вспомнились дорогія ласки матери и теплыя слезы заструи-

лись по щекамъ ребенка; тихо всхлипывая, зарылся Витя въ подушку.

VIII.

Для Вити началась дѣйствительно новая жизнь: часовъ 6 въ день заняты были у него его классами въ гимназіи, затѣмъ, усталый возвращался онъ домой, гдѣ просиживалъ, за приготовленіями уроковъ къ слѣдующему дню, до 7 часовъ вечера, когда его звали къ обѣду. Вся громадная семья генерала собиралась къ этому времени въ дубовую столовую за большимъ столомъ, усаживалась по старшинству, — Витино мѣсто было на самомъ краю стола, — съ одной стороны около двоюродной сестры однолѣтки Вари, съ другой — около тетки старухи, разливательницы супа. Здѣсь, на дальнемъ концѣ стола, смирно съѣдалъ онъ то, что ему было положено на тарелку, изрѣдка отвѣчая на вопросы сестры или тетокъ объ гимназіи и его уче-

ніи — и никогда самъ не вступая въ разговоры. Послѣ обѣда подходилъ онъ къ дядѣ и его супругѣ и благодарилъ ихъ поклономъ, иногда тетка или дядя протягивали ему руку и очень удивлялись сперва, что мальчикъ не цѣловалъ руки, а самымъ серьезнымъ образомъ пожималъ ихъ. Витя читалъ все, что ему попадалось и никто ему не препятствовалъ въ этомъ; одна изъ тетотъ tante Eudoxie даже сама давала ему книги, которыя сама читала, увѣренная въ томъ, что мальчикъ будетъ меньше шалить, если будетъ читать.

Гдѣ то прочелъ Витя: »Бѣшенныя деньги« и фраза одного изъ дѣйствующихъ лицъ: »я цѣлую только руку у матери и у любовницы!« сильно врѣзалась въ его впечатлительной головѣ. »Я тоже не буду цѣловать рукъ тетокъ — мама далеко, а любовницы у меня нѣтъ!« — серьезно рѣшилъ двѣнадцатилѣтній мальчикъ. Дядя глубокомысленно сооб-

разилъ, что Витя очень испорченъ, что онъ не любитъ даже ласки и, приписавъ все это вліянію несчастной семьи, рѣшилъ что лучше всего оставить его. »Онъ исправится«, думалъ генералъ: — »наша тихая семейная жизнь благотворно повліяетъ на маленькаго дикаря«.

Но эта тихая семейная жизнь генеральскаго дома, далеко не благотворно вліяла на Витю, — вся эта тишина заключалась въ чопорномъ натянутомъ qua-si-аристократическомъ отношеніи другъ къ другу, въ мельчайшей аккуратности, въ строгомъ распредѣленіи обязанностей и правъ каждаго члена семьи и въ общемъ подчиненіи самому деспоту-генералу.

Много доставалось первое время Витѣ, — »строптивый мальчишка«, — иначе не называли его тетушки, — всѣ старыя дѣвы.

Витя очень любилъ забираться, послѣ обѣда, въ гостинную и тамъ, подвинувъ кресло къ камину, — или мечтать, глядя

на потухающіе или тлѣющіе угольки, или читать, пользуясь свѣтомъ того-же камина.

—»Витя!«—приставала къ нему одна изъ тетокъ: »ты сегодня помадилъ голову?«

—»Помадилъ тетя!« — спѣшилъ отвѣчать Витя, зная какъ требовали этого отъ него.

—»Ну, видишь, а облокачиваешься головой на спинку шелковую и будетъ пятно, — сколько разъ повторять тебѣ, что нельзя же быть неряхою, небереж-ливымъ?!«

Витя откидывался впередъ и, опершись локтями на колѣни, еще пристальнѣе смотрѣлъ на замирающіе огоньки, и далеко уносились его думы незрѣлыя, далеко отъ толстаго дяди, отъ шелковыхъ кутанныхъ креселъ и доброжелающихъ тетокъ.

—»Витя, это что у тебя за руки, какъ ты являешься къ обѣду такимъ!« — рас-

цекала его другая тетка, съ неподдѣльнымъ ужасомъ смотря на его чернильные пальцы.

—»Я писалъ!« — пробовалъ онъ оправдаться.

—»Это не отвѣтъ, надо быть всегда чистымъ, иди вымойся и никогда такимъ не смѣй приходить!«

Витя шелъ и нарочно долго копался въ уборной генерала, чтобы еще досадить чистоплотной теткѣ.

—»Витя, отчего ты такой скучный? Въ твои годы надобно быть веселымъ, не смотрѣть букой, — возьми мячикъ, книгу съ картинами у дяди попроси!« — сочувствовала ему tante Claudine. А Витя молчалъ и изъ подлобья смотрѣлъ на добрую тетушку.

—»И объ чемъ онъ думаетъ?! — разсуждала та: »всего ему вдоволь, учится хорошо, всѣ мы его любимъ, ласкаемъ, а онъ все какой-то мрачный, — нѣтъ, онъ вѣрно дѣйствительно испорченъ, ему

хочется шума, безпокойной бѣготни, безпорядочныхъ игръ, — а въ нашей мирной жизни — онъ скучаетъ и злится!«

И бѣдный мальчикъ дѣйствительно скучалъ: ему и въ самомъ дѣлѣ хотѣлось шума, беззастѣнчивыхъ молодыхъ восклицаній, свободу игры, какъ онъ привыкъ въ родномъ бѣдномъ домѣ. Тяжелое, гнетущее чувство навѣвала на него эта размѣренная *порядочная* жизнь въ домѣ дяди и каждодневный умственный трудъ въ гимназіи; шалости товарищей не отгоняли отъ него мрачныхъ мыслей, навѣянныхъ вчерашнимъ вечеромъ. Товарищи не любили его; онъ учился очень хорошо и ни съ кѣмъ не дружился, ни отъ кого не бралъ помощи въ урокахъ и никому самъ не помогалъ; къ каждой шалости или мальчишеской выходкѣ товарища — Витя относился какъ-то не по дѣтски, презрительно и уважалъ только коллективныя проявленія воли, — самостоятельности,

дерзкія выходки цѣлаго класса противъ кого нибудь изъ преподавателей, — неподчиненіе надзирателю. Всегда сдержанный и спокойно злой онъ здѣсь оживлялся и, блистая темными глазами, жарко говорилъ и спорилъ, когда въ классѣ рѣшался какой нибудь общественный вопросъ, когда обсуждалось какое-нибудь, выходящее изъ ряда классное событіе, — и странно, не смотря на то, что классъ не любилъ его, сказанное имъ имѣло большой вѣсъ — его слушали.

Были и хорошія, хотя и рѣдкія минуты у Вити, — эти минуты давали ему книги; одинаково онъ счастливъ былъ, когда читалъ »Рокамболя« и »Дворянское гнѣздо«, Поль-де-Кока и Дрепера. Послѣ вечерняго чая (его до 16-ти лѣтъ не оставляли ужинать), забравшись къ себѣ въ каморку, онъ укладывался на свою кровать-диванъ и при свѣчкѣ, до 3-хъ, 4-хъ часовъ утра иногда, упивался книгою, явно или не явно добытою.

А когда на другой день ему приходилось просить свѣчу у тетки-хозяйки дома, она, приказавъ буфетчику дать, удивлялась вслухъ, куда онъ жжетъ свѣчи, что одной на два дня не хватаетъ ему:— »можешь заниматься и читать въ столовой — тамъ всегда лампа горитъ!« — говорила она: »а то вѣдь расходъ слишкомъ большой — и безъ того на тебя много тратятъ!«

Витя спокойно выслушивалъ всѣ эти замѣчанія и, ни слова не говоря, удалялся со свѣчею къ себѣ и блѣдный разсѣтъ Петербургскаго утра опять заставалъ его за книгою, такого-же блѣднаго и усталаго.

Зачастую, прочитавъ книгу и потушивъ свѣчу, онъ не могъ заснуть, — слишкомъ много переживалъ онъ за ночь, сильно разстраивались его молодые слабые нервы, чтобы успокоиться и дать заснуть ему, и подъ вліяніемъ прочитаннаго или торжествующая, или горькая

улыбка блуждала на губахъ его. Такъ однообразно и не весело прошли его первыя 6 лѣтъ пребыванія въ домѣ дяди, выработавъ изъ него глубоко ушедшаго въ себя юношу, слабо-нервнаго эгоиста.

Восемнадцати лѣтъ его сердце потребовало новыхъ ощущеній, новыхъ событій и картинъ.

IX.

Витя не былъ исключеніемъ, — молодость взяла свое, онъ долженъ былъ полюбить и полюбилъ, полюбилъ также сдержанно и скрытно, какъ и всѣ другія чувства проявлялись въ немъ.

Двоюродная сестра его, 18-ти-лѣтняя Варя, тихая и симпатичная дѣвушка мало по малу совсѣмъ поработила сердце восторженнаго Вити. Какъ началось это, онъ не помнитъ, — онъ сразу сказалъ себѣ, что давно уже любитъ ее, въ тотъ памятный день сказалъ это, когда нечаянно услышалъ, что люби-

мецъ всей семьи, сынъ старинныхъ друзей ихъ, Тулубьевъ, шикарный attaché при какомъ то посольствѣ, просилъ руки Вари, и что ему отказали по ея молодости, но позволили надѣяться черезъ годъ, на болѣе счастливый отвѣтъ.

Много плакалъ Витя въ тотъ вечеръ и ночь, а на утро головная боль не позволила ему идти даже въ гимназію.

—»Я скажу ей — что люблю её! она откажетъ этому франту, — она должна полюбить меня, — я красивѣе, умнѣе, честнѣе этого прилизаннаго француза!« —шепталъ Витя. На утро онъ ей сказалъ о своей любви.

Тихая болѣзненная Варя, любимица генерала, воспитанная на англійскихъ семейныхъ хроникахъ, сама была давно не равнодушна къ курчавымъ волосамъ, къ длиннымъ рѣсницамъ и выразительнымъ темнымъ глазамъ своего кузена, почему-то она называла его »Гарри« и далеко ставила выше Тулубьева,

или какъ она его называла »Викон-
та«.

Счастливая, взволнованная, со слеза-
ми на свѣтлыхъ голубыхъ глазахъ,
выслушала она, сдѣланное тихимъ дро-
жащимъ голосомъ, признаніе Вити и
его просьбу не выходить за Тулубьева
и полюбить его. Спокойно задушевнымъ
голосомъ она отвѣтила ему, что сама
давно его любитъ, что онъ ея »Гарри«,
что она никогда, никогда не полюбитъ
другаго и непремѣнно будетъ его невѣс-
той и женою.

Блаженныя, туманно-счастливыя ми-
нуты послѣ признанія, переполнившія
душу Вити, вылились въ неясныхъ, но
грандіозныхъ мечтахъ о будущемъ, о
взаимной тихой любви, о трудѣ, — оба
они рѣшили, что Витя долженъ кончить
гимназію (ему оставалось еще 4 мѣсяца),
а затѣмъ, женившись, поступить въ уни-
верситетъ и учиться и трудиться съ ея
помощью безъ конца. Варя требовала,

чтобы все разсказать отцу — Витя не соглашался, она настаивала и на другой день вечеромъ Витя, войдя въ кабинетъ, удивленнаго этимъ необычнымъ приходомъ, гѐнерала — во всемъ ему признался.....

Черезъ три недѣли (это было въ началѣ апрѣля 1877 года), Витя, не окончивъ курса, долженъ былъ надѣть форму одного изъ армейскихъ полковъ, стоявшихъ на границѣ Румыніи.

Коротко и тяжело для молодаго сердца разрѣшилась исторія его любви. Тетки поминутно всплескивали руками, Варя неутѣшно рыдала, генералъ — былъ строгъ и спокоенъ, когда, на другое утро послѣ страшнаго открытія, Витя покидалъ по приказанію генерала, его домъ, что бы поселиться гдѣ нибудь въ chambre-garnis.

— »Свой позоръ, свой нахальный поступокъ, ничѣмъ неоправдываемый, ты можешь заставить меня забыть только

твоими отличіями на полѣ битвы! Завтра я съѣзжу къ кому слѣдуетъ, — ты будешь принятъ солдатомъ въ тотъ полкъ, который первый войдетъ въ Турцію!« — говорилъ генералъ; впрочемъ, онъ сперва удивленный и оскорбленный, а потомъ неумолимый, много говорилъ въ тотъ памятный для бѣднаго Вити вечеръ.

Ни съ семьей, ни съ генеральскимъ домомъ Витя не прощался.

Внѣ себя отъ горя и обиды, онъ не сознавалъ твердо — куда онъ ѣдетъ, что его ожидаетъ; онъ не задавалъ себѣ даже вопроса, почему онъ послушался дядю, зачѣмъ за три мѣсяца вышелъ изъ гимназіи и испортилъ всю карьеру свою, зачѣмъ надѣлъ на себя этотъ красный воротникъ!

Онъ сознавалъ только одно, что бѣдная Варя навсегда для него потеряна, что эта свѣтлая, нѣжная головка никогда не будетъ его и не услышитъ онъ

грустнаго мелодичнаго голоса, зовущаго своего Гарри!

X.

Въ концѣ мая, Витя уже былъ на берегу Дуная, въ Турну-Магурелли. Здѣсь въ полку, въ дикомъ сначала для него обществѣ въ странной обстановкѣ началась для него новая жизнь. Черезъ два три дня у Вити было уже нѣсколько друзей, такихъ-же молодыхъ людей, только добровольно бросившихъ родину и семью, чтобы выслужиться и какъ нибудь въ люди выйдти; все честные и симпатичные малые, но недалекіе, не получившіе никакого воспитанія, — прямые типы извѣстнаго класса недоучившейся молодежи — вольноопредѣляющихся.

Сперва Колосова удивляли ихъ ухарскія манеры — претензіи на офицерское *обращеніе* — ихъ вѣчное безденежье, но скоро безотрадное, скучное, собственное

положеніе заставило его ближе сойтись съ ними, многое оправдать въ нихъ и примириться — многое извинить.

У Колосова были деньги, — онъ сдѣлался центромъ кружка бездомной молодежи. Здѣсь въ первый разъ онъ познакомился съ хорошими сторонами рюмки и въ первый же разъ нашелъ, что быть слегка пьянымъ очень хорошо, — »все прошлое забывается, все печальное настоящее получается въ какомъ то особенномъ свѣтѣ, подернутое будто сѣткой,—веселѣе дѣлается!«

Мало по малу онъ познакомился и какъ будто сошелся съ нѣкоторыми офицерами, но не привился въ обществѣ ихъ, — слишкомъ мало общаго было между веселыми, загорѣлыми, смѣло впередъ глядящими армейцами и нашимъ ушедшимъ въ себя, страдающимъ отъ избытка внутренней жизни, мальчикомъ.

Въ обращеніи съ сослуживцами Колосовъ часто не выдерживалъ и презрѣніе

къ этимъ простымъ откровеннымъ людямъ часто сквозило. Впрочемъ, онъ и не искалъ дружбы и видимо не дорожилъ добрыми отношеніями съ товарищами.

Кончилась стоянка въ Румыніи—войска перешли Дунай.

Полкъ, гдѣ служилъ Колосовъ, переходилъ уже по омытому кровью мосту, безъ боя, но вскорѣ послѣ перехода черезъ Дунай, Колосовъ участвовалъ въ дѣлѣ при взятіи Никополя; смутно помнилось ему это дѣло, страха за себя не было въ немъ, но было то щемящее чувство въ сердцѣ, когда вы видите умирающаго близкаго вамъ, — въ концѣ же дѣла Витя опьянѣлъ отъ крови, которую онъ видѣлъ; стоны и вопли раненыхъ только злили его, изъ больнаго душой страдальца онъ озлобился до степени звѣря.

Крѣпко сжавъ въ рукавъ ружье, бѣжалъ онъ въ цѣпи, не видя передъ собою ничего кромѣ отступающихъ и от-

стрѣливающихся фесокъ; вотъ одна изъ нихъ упала, широко взмахнувъ руками, — вотъ другая, остальныя бѣгутъ, изрѣдка останавливаются стрѣляя и продолжаютъ отступленіе; кукуруза мѣшаетъ бѣжать, бѣшенная злоба давитъ горло Колосову — вотъ онъ пробѣгаетъ мимо раненаго, — жалобно смотрятъ на него черные глаза, въ глазахъ Колосова потемнѣло, въ ушахъ звонъ, трескъ, стрѣльба, — ударъ прикладомъ и черепъ несчастнаго брызнулъ мозгомъ на зеленую молодую траву. Дальше бѣжитъ Колосовъ — вотъ еще раненый, Колосовъ прикладомъ замахнулся на него, но раненый подымаетъ руки и почти въ упоръ стрѣляетъ изъ револьвера. Безъ чувствъ, раненый Колосовъ свалился — до-нельзя напряженные нервы сразу упали. Пробѣгающіе въ цѣпи солдаты, пожалѣли его, санитары снесли на перевязочный пунктъ.

Слегка раненый въ руку, Колосовъ,

черезъ двѣ недѣли, былъ уже опять въ строю, еще болѣе блѣдный, еще болѣе мрачный и молчаливый. На него повѣсили серебряный крестикъ, всѣ хвалили его, солдаты пили водку за его здоровье, только одинъ офицеръ той роты, гдѣ служилъ Колосовъ, видѣвшій его въ цѣпи, не лестно о немъ отозвался: »злой мальчишка — башибузукъ, — сволочь будетъ!« Товарищи называли этого офицера: »фантазеромъ«, »критикомъ« и всегда смѣялись надъ нимъ!

Скоро пошли Плевну брать — печальное дѣло!

Колосовъ уже унтеръ-офицеромъ участвовалъ и здѣсь вмѣсто убитаго въ самомъ началѣ дѣла офицера »фразера«,— командовалъ цѣпью при наступленіи. Усилія и стойкость солдатъ не помогли, отрядъ отступалъ; ночью была страшная паника, бѣгство — въ темнотѣ какой-то штабной смялъ Колосова подъ лошадью; подковы оставили слѣды на спинѣ и плечахъ Вити.

Во Фротештахъ, въ госпиталѣ пролежалъ Витя четыре мѣсяца. Здѣсь въ тишинѣ, окруженный почти материнскими заботами онъ поправился не однимъ тѣломъ. Рѣзкихъ выходокъ не было уже замѣтно, онъ какъ будто усталъ душой — отдыхалъ, безъ думъ тревожныхъ, безъ тяжелыхъ воспоминаній. Казалось, что онъ махнулъ на все рукою, — вычеркнулъ изъ жизни грустное прошлое!

Въ это время за Плевну его произвели въ офицеры, приказали ѣхать въ Петербургъ—держать экзаменъ.

Мѣсяцъ онъ прожилъ въ Петербургѣ, экзаменъ выдержалъ отлично; съ дядей, съ Варей онъ не видѣлся, и не приложилъ къ этому ни малѣйшихъ стараній; казалось, — имъ овладѣло новое чувство полнѣйшаго ко всему безучастія.

Была глубокая зима, со дня на день ожидали мира и ѣхать обратно въ полкъ Колосову не хотѣлось, онъ просилъ и его назначили въ одинъ изъ линей-

ныхъ баталіоновъ заброшеннаго Семирѣчья.

Въ февралѣ, Колосовъ выѣхалъ изъ Петербурга, подарившаго его первыми радостями и первымъ горемъ.

XI.

Грустную жизнь встрѣтилъ онъ здѣсь! Товарищи сразу не понравились ему, — они ему отвѣтили такою же взаимностью. Для нихъ Колосовъ былъ выскочкой, ученымъ, философомъ, франтомъ Петербургскимъ, — ему-же всѣ казались пошлыми дураками, пьяницами. — Ему казалось, что онъ отдохнетъ душою въ обществѣ — и вотъ онъ вскорѣ свелъ знакомства въ городѣ. Городокъ К. и общество были очень небольшіе, но несмотря на это, трудно было встрѣтить два семейства, дружно живущія; вездѣ, какъ и у товарищей его по службѣ, были карты, пьянство съ добавленіемъ неизбѣжныхъ сплетень — мелкой захолустной жизни.

И здѣсь не привился бѣдный Колосовъ, — не съ кѣмъ было добраго слова сказать, негдѣ и некогда было работой заняться, подумать о чемъ-нибудь, — жизнь проходила безслѣдно, глушо и пошло—безъ единаго рѣзкаго впечатлѣнія.

Не съ характеромъ Колосова можно было бы прожить, не втягиваясь въ эту грязную тину! Куда онъ шелъ, гдѣ были его цѣли и желанія, — онъ не зналъ!

Тѣхъ свѣтлыхъ грезъ и надеждъ, которыя когда то въ Петербургѣ волновали его, давно уже не было! Когда то бывшая восторженность оставила его, и чѣмъ быстрѣе мѣнялся онъ, тѣмъ болѣе и болѣе сознавалъ самъ это и втягивался постепенно въ однообразно-гадкую жизнь заброшеннаго человѣка, — шагу не дѣлалъ, что бы выйдти назадъ отсюда, вернуться къ прежнему, если и тяжелому, то все-таки осмысленному житью.

Изрѣдка наступали минуты сознанія, когда онъ видѣлъ до чего дошелъ, когда онъ видѣлъ страшную разницу между прошлымъ и настоящимъ и приписывалъ отсутствіе воли своей, пустоту сердца — отсутствію элемента облагораживающаго — женщины.

Свѣтло-настроенная душа просила гармоніи, онъ писалъ:

Нѣтъ — не холодному разсудку
Направить путь, подать совѣтъ, —
Зло вкоренилось не на шутку —
Возврата къ прежнему ужъ нѣтъ!
Была минута колебанья —
На перепутьи я стоялъ, —
Вдали мелькали ожиданья
Добра — и блага начинанья,
Труда вѣнецъ вдали сіялъ!
Какъ жизнь сильна — передо мною
Лежала пошлости тропа,
Бѣжала шумною рѣкою
Всѣдневной жизни полоса!
Миньоны не было — сліянья

Съ толпой проклятой мигъ насталъ!
Здѣсь надо женское вліянье,
Любовь, мелодью, идеалъ!
Миньона! Гдѣ ты? Дай вглядѣться
Въ твой чудный ликъ,
Въ твой взглядъ сознанья.....
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Гдѣ ты Миньона?! — онъ искалъ ее, нарочно обманывая себя, создавая ее въ окружающихъ себя, среди знакомыхъ и самъ поражался диссонансомъ созданнаго:

Сердце, оставь холодѣть мои мысли и члены,
Ты лишь, одно, согрѣвало ихъ въ жизни моей!
Больше не надо, — надежда и вѣра пропали,
Тѣло осталось одно — духъ же умчался въ пространство.

Ушли мѣсяцы и годы! Колосовъ не сойдясь ни съ однимъ изъ своихъ товарищей, тѣмъ не менѣе втянулся совсѣмъ

въ ихъ жизнь! Служба дала ему все,— что могла дать, онъ же ей не далъ ничего! Онъ совсѣмъ не служилъ, — отъ зари до зари, за картами и виномъ убивалъ онъ свое сердце и мысль!

И Варю забылъ онъ; изрѣдка, когда кто-нибудь изъ его товарищей, разсматривая въ сотый разъ альбомъ Колосова, раскрывалъ его, гдѣ на первой страницѣ была карточка Вари, — Колосовъ вздрагивалъ и отводилъ глаза подальше отъ этого тихаго лица, отъ задумчивыхъ кроткихъ глазъ!

Наступилъ 80-тый годъ. Изъ крайне задумчиваго и ушедшаго въ себя юноши, выработался мущина, хотя и красивый съ умными выразительными глазами, но съ замѣчательно-нахальнымъ выраженіемъ ихъ, съ манерами человѣка, плюющаго на все дурное и хорошее одинаково. Звѣрски строгій съ солдатами, онъ былъ небрежно грубъ съ това-

рищами и знакомыми. Какъ и все офицерство, начальство не любило его, но уважало за его знанія, за ту пользу, которую онъ могъ-бы принесть, хотя и не приносилъ.

Весною 1880 года, батальонъ вслѣдствіе недоразумѣній съ китайцами былъ двинутъ въ г. Кульджу; весь баталіонъ остался въ г. Кульджѣ, одну же роту Колосова поставили въ китайскомъ городкѣ С. въ 50 верстахъ отъ Кульджи.

Безобразно-дикая жизнь Колосова здѣсь еще усилилась, хотя нѣсколько въ другомъ направленіи, онъ бросилъ карты и сталъ пить, — пить съ утра и до утра, отрезвляясь только для того, чтобы опять напиться, залить тѣ жгучія, тяжелыя думы, что изрѣдка рождались въ его воспаленной головѣ.

Въ ротѣ Колосова былъ только одинъ субалтернъ-офицеръ прапорщикъ Ѳ., крайне не развитый, молчаливый и смирный малый. Вслѣдствіе отсутствія ка-

кихъ бы то ни было квартиръ, Ѳ. долженъ былъ волею или неволею жить въ одной комнатѣ, въ казармахъ, съ Колосовымъ, и бѣдный прапорщикъ служилъ развлеченіемъ для пьянаго Колосова и терпѣлъ и сносилъ всѣ его выходки и шутки надъ собою, что еще больше раздражало не нормально-злаго Колосова.

Только разъ не выдержалъ Ѳ.: »берегитесь Колосовъ! Вы слишкомъ нахальны и пользуетесь, злоупотребляете моей добротой. Смотрите — вы наскочите на человѣка горячаго и васъ убьютъ какъ бѣшеную собаку!«

— »Молчи щенокъ!« — отвѣтилъ Колосовъ, но мысль, что его могутъ убить, запала какъ-то въ больную уже голову.

— »Меня могутъ убить!« — думалось ему: »то-есть какъ же это? прекратить мое существованіе — помимо моей воли; что-же будетъ изъ меня? что тамъ за гробомъ? Впрочемъ. не въ этомъ дѣло.—

дѣло въ томъ, что помимо воли моей — я перемѣню свой образъ, свое существованіе — словомъ, что-то новое будетъ, — въ какой формѣ — все равно, знаю только одно, что ничего окружающаго меня не будетъ, будетъ незнакомое!

Значитъ, я ищу смерти, — какъ легко, какъ просто найдти ее, вотъ револьверъ — дернулъ за собачку и вопросъ рѣшенъ, и все старое, что меня мучитъ еще — все забудется, пропадетъ, остается гдѣ-то далеко сзади, можетъ быть даже забудется, исчезнетъ самое представленіе объ немъ, объ этомъ давящемъ меня кошмарѣ. Все въ чемъ я старался забыться до сихъ поръ, все это пьянство низкое, пошлое, развратъ, все это пальятивы, все это средства къ тому же, — медленная смерть; — проще сразу умереть! Но въ такомъ случаѣ это слишкомъ просто для меня: неужели я, который былъ всю жизнь не натуралентъ — актерствовалъ, неужели я кончу такъ

просто, такъ обыденно! Говорятъ, что самоубійцы рѣдко думаютъ о формѣ смерти — вотъ и у Альбова въ »Днѣ Итога« — онъ кончаетъ вдругъ — ни разу не подумавъ топиться или стрѣляться, — но вѣдь то *самоубійцы*, люди переживающіе какіе-то *дни итога*, а ихъ у меня нѣтъ — они подведены уже давно у меня самой судьбой, — мнѣ и думать не о чемъ, никогда никакое отыскиваніе истинъ не волновало меня — даже не понятны были всѣ эти книжныя фразы недовольства жизнью, — скорѣе жизнь должна быть недовольна мною, а не я ею, — впрочемъ, и это фраза — не о чемъ разсуждать — *надо* умереть, надо!

Только я буду относительно самоубійца, — самъ на себя я руку накладывать не буду, — я стану стараться, искать случая, чтобы меня убили — въ самомъ дѣлѣ, вѣдь есть горячіе люди, которые на дерзость, на оплеуху отвѣтятъ пулею! Хорошая мысль, — умру оригинально, —

дневникъ свой дурацкій сожгу и никто не будетъ знать, не повѣрятъ, что это такъ спроста; найдутся навѣрное психологи доморощенные, которые будутъ доискиваться, строить различныя комбинаціи по поводу рѣшенія моего умереть отъ чужой руки! Умные! — пусть ищутъ — тамъ я посмѣюсь надъ ними!«

XII.

Съ этого дня Колосовъ началъ искать смерти. Онъ не сжегъ своего дневника какъ хотѣлъ и писалъ въ немъ, но именно этимъ обѣщаніемъ окончилъ его — дальше ни слова въ немъ не было.

Говорили разное, — говорили ужасныя вещи, — точно, было извѣстно только одно, что оскорбленіе своихъ товарищей и всѣхъ встрѣчныхъ, сдѣлалось для него потребностью; два раза его вызывали на дуэль, и оба раза она кончалась для него неудачно — онъ выходилъ цѣлъ. Въ Суйдунѣ поссоривъ таранчей и дунганъ

онъ бросился въ свалку разнимать ихъ — не прошенные солдаты спасли его. Старанія его были напрасны, судьба была противъ него. Товарищи сносили его оскорбленія, видимо догадываясь въ чемъ дѣло; посторонніе игнорировали его оскорбленіе.

Такъ прошло два лѣтнихъ мѣсяца — Колосовъ похудѣлъ, глаза блестящіе, лихорадочные ввалились, бѣднякъ мучился должно быть сильно и не выдавалъ никому своихъ тяжелыхъ думъ, не говорилъ о смерти.

Разъ только проговорился онъ фельдфебелю своей роты:

—»Антоновъ! — знаешь, — Чинъ-Курганъ, по Кульджинской дорогѣ?«

—»Такъ точно — Вашбродье — знаю!«

—»Тамъ карагачь есть, одинъ стоитъ за курганомъ въ мочежинѣ, такъ вотъ какъ убьютъ меня — слышишь, — тамъ извольте меня похоронить, подъ деревомъ! Понялъ?«

Фельдфебель усмѣхнулся:

—»Помилуйте, Вашбродье, гдѣ-жъ убить—Кульджу сдадимъ, дѣловъ, страженіевъ не будетъ!« понялъ по своему онъ.

—»Нѣтъ — не то — просто знай на случай, такъ просто..... не забудь«.....

Не смотря на страшныя душевныя муки, которыя переживалъ Колосовъ, онъ продолжалъ свою разгульную, обидную для человѣческаго достоинства жизнь.

15-го августа въ казармахъ въ квартирѣ Колосова, состоящей изъ 2-хъ комнатъ, были страшныя игра и пьянство. Человѣкъ до пятнадцати офицеровъ разныхъ баталіоновъ играли въ штоссъ. Тутъ-же былъ и докторъ Брюховъ. Колосовъ, какъ-бы нѣсколько присмирѣвшій игралъ тутъ-же и очень счастливо — чего съ нимъ почти никогда не бывало.

—»Колосовъ, надо бы закуску приготовить, ты вѣдь въ выигрышѣ!« — сказалъ ему Ѳ.

—»На!«— протянулъ ему Колосовъ пачку бумажекъ — весь свой выигрышъ.

—»Вали во всю!« — прибавилъ онъ и вышелъ въ другую комнату, гдѣ была его спальня.

На столѣ, къ которому подошелъ, онъ увидѣлъ письмо.

—»Гм! — штемпель Петербургскій! — отъ кого это«. Онъ распечаталъ и углубился въ чтеніе; лицо поблѣднѣло.

Игравшіе въ карты вдругъ испуганные вскочили — въ сосѣдней комнатѣ раздался выстрѣлъ.

Всѣ бросились туда, на полу съ безображеннымъ лицомъ лежалъ Колосовъ, — въ рукахъ скомканное письмо, на полу револьверъ.

XIII.

Чрезъ два дня командиръ N-скаго баталіона доносилъ, что поручикъ Колосовъ такого-то числа застрѣлился, и

что по произвсденному дознанію оказалась причиною смерти растрата 140 рублей казенныхъ денегъ, — каковыя продажею имущества покойнаго пополнены.

Въ этотъ день въ лагерь стрѣлковъ, въ Талкинское ущелье въѣзжалъ докторъ Брюховъ.

У первой палатки его встрѣтилъ блѣдный офицеръ.

— »Брюховъ! — я давно жду васъ — вчера я слышалъ, что Колосовъ застрѣлился, что онъ деньги будто растратилъ! — быть не можетъ?! Вы тамъ были — разсказывайте!«

— »Деньги разстратилъ! ха! ха! ха!« —Брюховъ хохоталъ.

— »Возьмите, прочтите — я нарочно вамъ привезъ, — я знаю, что вы имъ, бѣднымъ, интересовались!«

И Брюховъ передалъ блѣдному офицеру дневникъ покойнаго и письмо, съ которымъ его нашли.

Офицеръ провелъ до палатки своей Брюхова — тамъ онъ заснулъ усталый, а офицеръ прочелъ сперва дневникъ, потомъ письмо. Вотъ оно:

»Дорогой, хорошій Витя! Давно, давно разстались мы и не переписывались — я не могла, ты знаешь — теперь я свободна и пишу тебѣ. — Вотъ ужъ мѣсяцъ какъ я вышла замужъ; ты помнишь Тулубьева, — онъ мой мужъ . . . . . .

. . . . . .

На другой день хоронили Колосова, подъ тѣнью старика карагача. За гробомъ шли два офицера-сослуживцы и блѣдный офицеръ. На него смотрѣли офицеры и солдаты — его никто не зналъ — ему удивлялись.

Надъ могилой поставили принесенный карагачевый бѣлый крестъ, съ надписью:

Викторъ Колосовъ — умеръ 15 августа 1882 года. г. Суйдунъ.

Л. А. Б.

12 октября 1884 г.

Г. ХАРЬКОВЪ.